

А.Л. Юрганов

АНТИУТОПИЯ И СТАЛИНИЗМ: РОМАН ДЖ. ОРУЭЛЛА «1984»

Юрганов Андрей Львович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и нового времени. Российский государственный гуманитарный университет. Российская Федерация, 125993, г. Москва, Миусская пл. д. 6; e-mail: iurganov@yandex.ru

В статье рассматривается взаимодействие антиутопического и утопического жанров в главном антиутопическом произведении XX в. – в романе Дж. Оруэлла «1984», который вызывает неугасающий интерес философов, культурологов, историков, пытающихся найти смысловое содержание романа в разных моделях обобщающего знания, но в том числе и на путях амбивалентных интерпретаций, когда принимается за аксиому, что утопический образ может совмещать в себе разнонаправленные характеристики, не нарушая содержательной целостности произведения. Задача настоящего исследования – понять авторский смысл романа, исходя из того, что всякое произведение ограничено рамками авторского самосознания, которые никак не противоречат историко-культурному контексту присущей ему современности. В этих границах роман «1984» предстает перед нами как произведение, написанное человеком, не только приверженным идеалам мирового социализма, но и разделявшим критические суждения Л.Д. Троцкого, обращенные против узурпации партией Сталина прав пролетариата на власть.

Ключевые слова: роман «1984», Дж. Оруэлл, сталинизм, троцкизм, тоталитаризм, А.А. Богданов, А.В. Луначарский, эмпириокритицизм, русский модернизм

Для цитирования: Юрганов А.Л. Антиутопия и сталинизм: роман Дж. Оруэлла «1984» // Философский журнал / Philosophy Journal. 2024. Т. 17. № 2. С. 79–91.

В философской литературе появилось уже немало работ, посвященных творчеству Джорджа Оруэлла, написаны замечательные биографии писателя¹. Обращают на себя внимание современные исследования взаимодействия жанров утопии и антиутопии² на примерах творчества М. Замятина, О. Хаксли,

---

¹ Наиболее полную библиографию см.: *Недошивин В.* Джордж Оруэлл. Неприступная душа. М., 2023. С. 777–794; см. также: *Фельштинский Ю., Чернявский Г.* Оруэлл. М., 2019.

² *Jameson F.* Archaeologies of the Future. The Desire Called Utopia and Other Science Fictions. London; New York, 2005; *Гюнтер Х.* По обе стороны от утопии: Контексты творчества

Оруэлл и др. Так сложилось, что традиционно сосуществуют, не пересекаясь, две аналитические процедуры – пересказ романа «1984» и анализ жанров утопии и антиутопии. В пересказе – сюжет романа, а вот анализ взаимодействий утопии и антиутопии применяется не к конкретному содержанию романа, а к возможностям амбивалентного описания реальности – вплоть до отрицающих друг друга сторон утопии и антиутопии.

В современном исследовании Д. Хаустова речь идет именно об этом:

...один и тот же утопический образ может быть и «плохим», и «хорошим» с двух противоположных точек зрения – то есть... тот же самый, идентичный утопический образ может быть ценностно различным, до противоположности. Скажем, мир-идеал из «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертого» может казаться ужасным, плохим с точки зрения жаждущего свободы, пытаемого еретика, но тот же самый мир-идеал может казаться прекрасным, единственным с точки зрения пытающего инквизитора – как и в действительности сталинизм был отвратителен для арестованного Мандельштама, но вряд ли он был таковым для самого Сталина...³

Как видно, интерпретация жанрового взаимодействия соотносится автором не с романом, а с исторической ситуацией, которую он, Хаустов, интерпретирует. Но можно ли построить содержание романа на совершенно противоположных оценках, не имея собственной писательской аксиоматики?

Любой роман – это всегда пространство контекста, в котором пребывает автор и его творение. Если, по мнению Хаустова, «Оруэлл – социалист»⁴, то следует найти подтверждения тому не в биографии писателя, а в самом романе – что свидетельствует об этом? Только так можно понять диалектику взаимодействия утопии и антиутопии *в самом романе* – а не в сугубо теоретической плоскости, – только так Оруэлл предстанет перед нами в собственном историко-культурном и политическом контексте⁵.

Дж. Оруэлл не только хорошо знал обстановку в партии большевиков, но был погружен и в мировые «дела социалистические», будучи социалистом⁶. Мир сталинизма буквально оживает в понятиях «уклоны», «партийная чистка», «политическая линия». Портреты «Старшего брата» на улицах Лондона воспринимаются не иначе, как портреты Сталина, а в Эммануэле Голдстейне, не сомневаясь, видят Льва Троцкого. С этим трудно спорить.

Однако возникает вопрос: является ли этот роман антитоталитарным, если исходить из его собственного содержания как самодостаточного? В сюжетном развитии романа «тоталитарные режимы» – это состояние изжитое, оно в прошлом.

Тоталитаризм предполагает единство контроля власти и насилия над всем обществом, когда никто не может уйти от подавления. Общество теряет способность сопротивляться – и сила государственной власти становится идеологически однородной в своих действиях против всех⁷. Термин «тоталитаризм» впервые применил Джованни Амендола в 1923 г. для характеристики

А. Платонова. М., 2012; Гройс Б. По ту сторону утопии и антиутопии // Гройс Б. Ранние тексты: 1976–1990. М., 2017. С. 403–416; Хитченс К. Почему так важен Оруэлл. М., 2017.

³ Хаустов Д. Невинные инквизиторы. М., 2019. С. 147.

⁴ Там же. С. 156.

⁵ Чаликова В.А. Комментарии к «1984» // Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. М., 1989. С. 356–365.

⁶ Недошивин В. Указ. соч. С. 411–616.

⁷ Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.

фашистского правления Муссолини, а в 1926 г. Джованни Джентиле развернул это понятие для объяснения, почему государственная идеология касается *всех* без исключения граждан страны («Всё в рамках государства, ничего вне государства, ничего против государства»).

Что же мы видим в романе? Структура общества Океании такова, что идеологическая борьба идет не внутри *всего* общества, а внутри правящей Партии, которая представлена как «внутренняя» и «внешняя». Во внутренней партии – около одного процента от всех живущих в Океании, это ее «мозг», примерно 6 миллионов человек. Внешняя партия – это широкий круг партийцев («руки»), которые в отличие от первых находятся в менее привилегированном положении и отчасти потому позволяют себе всякие сомнения в правильности того, что делает партия внутренняя и ее вождь «Старший брат». Идеологическая война идет против *всякой личности* в широких партийных кругах. Большая часть населения Океании – это 85 процентов – относится к числу так называемых «пролов», т.е. пролетариев, кому *закрыт доступ* в партию. С ними нет идеологической борьбы! Они признаются интеллектуально неспособными подняться выше своих ежедневных потребностей.

Итак, контроль выглядит внешне как контроль над всеми, но это иллюзия: в области контролирующих органов всего 15 процентов населения Океании. Попросту говоря – это только сама Партия.

Текст романа убеждает, что писателя беспокоила *возможность победы* мировой олигархии – мир разделен на равные по силе части (Океания, Евразия, Остазия), и *возможность победы* партийной олигархии, которая, избавившись от мыслей о равенстве и свободе, утверждает новую конечную идею – власть ради власти, и это «навсегда», по словам О'Брайена.

Оруэлл показывает *перерождение* Партии: она была социалистической, но поняла, что нужно увековечить власть Старшего брата, устрашить сомневающихся «средних» и держать в невежестве пролетариат. Партия создает таким образом *олигархический социализм* – она стремится не дать историческому процессу разрушить обнаруженную стабильность – вопреки объективному смыслу развития, склонному к ломке производственных отношений.

Уинстон Смит получил от воображаемого им противника Старшего Брата, О'Брайена, трактат Голдстейна «Теория и практика олигархического коллективизма». Однако выяснилось, что О'Брайен не тот, за кого себя выдавал, и книгу писал не Гольдстейн, а сам О'Брайен (правда, с кем-то еще). В трактате речь шла о «неизбежности» олигархического коллективизма. Обосновывая исключительную власть «внутренней» партии, О'Брайен подтверждал, что партия изменилась, но в «лучшую» сторону, оспаривая мнение исторического Голдстейна (Льва Троцкого), который с горечью говорил и писал о перерождении пролетарской партии, о создании в ней «привилегированной касты» избранных бюрократов, о культе «непогрешимого вождя», о масштабных репрессиях против рядовых партийцев и почти полном игнорировании трудящихся масс. Если для Троцкого это есть зло, то в трактате О'Брайена – это добро. Троцкий, при всем своем традиционном увлечении социологией, уловил, что сталинская группировка защищала свои кастовые интересы «при помощи подлогов и амальгам». Но так действует и партия О'Брайена, утверждающая, что «Война – это Мир», «Свобода – это Рабство» и так далее.

Идеалистические установки в механизме террора

Генеральный тезис олигархического социализма заключается в том, что сознание – это единственная реальность. Казалось бы, в этом тезисе нет и не может быть оснований для внутривнутрипартийного террора. Но это только на первый взгляд.

Еще не зная, кто такой загадочный О'Брайен, но предполагая, что он заговорщик в «Братстве», в тайной организации, борющейся с насилием, Уинстон Смит осуществил самый важный шаг для будущей встречи с настоящим О'Брайеном, партийным следователем, – он сделал одну из главных своих записей в дневнике, касающейся природы партийного произвола...

Дневник – объективное свидетельство мыслепреступления, худшее, что мог себе позволить Уинстон; это будущий смертный приговор, который он осознавал как приговор, ибо личное сознание в партии недопустимо без признания мыслепреступления. В сознании как в единственной реальности атрибут подлинности принадлежит только коллективному разуму партии.

Уинстон понял, что враг партии – это **объективная (внешняя) реальность**. Ибо, признавая сознание единственной реальностью, Партия отрицает всякую личную связь со здравым смыслом (внешним миром). Не Уинстон, а Оруэлл развел в противоположные стороны и сделал врагами – материалистический взгляд на объективную реальность и идеалистическую интерпретацию сознания в «олигархическом социализме».

Уинстон в дневнике признался, что ему понятно – «КАК», но он не понимает – «ЗАЧЕМ» – потребовалось делать врагами эти стороны, которые не являются изначально конфликтными.

Материальный мир прошлого, будучи доказательным с точки зрения объективной реальности, представлял собой большую угрозу для партии, утверждавшей, что единственной реальностью является партийное сознание настоящего.

Уинстон объяснял своей подруге Джулии, что он видел клочок газеты с упоминанием видных деятелей внутренней партии, Джонса, Аронсона и Резерфорда, память о которых должна была исчезнуть вместе с их физическим уничтожением после того, как они признались во вредительстве и других преступлениях против партии. «Настоящее» для Партии – это машина по уничтожению «прошлого». Оруэлл противопоставлял всякую реальность документально существующего мира миру партийных галлюцинаций. Художественно изображалась старая марксистская формула противоборства материализма и идеализма.

Управление сознанием

О'Брайен, уже как следователь, объяснял Уинстону то, чего тот не понял в дневнике: ЗАЧЕМ нужно отрицать внешний мир, признавая сознание единственной реальностью.

Технология партийного внушения – это технология так называемого двоемыслия, когда единственный путь избежать мыслепреступления – это допустить переход от знания внешней действительности к вере, что в реальности осознания себя партийным человеком допустимы алогичные и даже абсурдные (с точки зрения внешнего опыта) факты.

В глазах О'Брайена его подопечный, за которым он наблюдал целых семь лет, – безумный. Уинстон пытался видеть внешнюю реальность лично, а это самообман и фикция. О'Брайен рассуждал так:

Действительность вам представляется чем-то объективным, внешним, существующим независимо от вас (курсив мой. – А.Ю.). Характер действительности представляется вам самоочевидным. Когда, обманывая себя, вы думаете, будто что-то видите, вам кажется, что все остальные видят то же самое. Но, говорю вам, Уинстон, действительность не есть нечто внешнее. Действительность существует в человеческом сознании, и больше нигде. Не в индивидуальном сознании, которое может ошибаться и в любом случае преходяще, – только в сознании партии, коллективном и бессмертном. То, что партия считает правдой, и есть правда. Невозможно видеть действительность иначе, как глядя на нее глазами партии, Уинстон. Для этого требуется акт самоуничтожения, усилии воли. Вы должны смирить себя, прежде чем станете психически здоровым⁸.

Любого врага партии, как говорил О'Брайен, мы сделаем «одним из нас» – и только потом уьем. Русским большевикам, считал О'Брайен, не хватило мужества убивать без всяких идей, чтобы установить свою власть – как это сделала партия Старшего Брата. Оруэлл на последних страницах романа изобразил ужасающие пытки Уинстона, после которых тот все более соглашался, что «дважды два пять», если так думает партия. Физическое насилие – причина умственного переворота, который, по мысли О'Брайена, должен превратить человека в полое тело, из которого извлекли все человеческие чувства – и прежде всего любовь, которую напоследок предают оба: Уинстон и Джулия.

Оруэлл показал себя стойким материалистом, как и полагается социалисту. Сравнительный прогресс зла, который демонстративно хвалил О'Брайен, вспоминая «промахи» русских большевиков, оказался, по существу, несостоятельным. Путь от физического унижения к умственному опустошению, конечно, сделал невозможным возвращение прежних отношений Джулии и Уинстона – это верно. Но не случилось главного – не была убита душа, и нравственность не улетучилась, как того хотел О'Брайен:

Они сели на железные стулья, рядом, но не вплотную. Он понял, что сейчас она заговорит. Она передвинула на несколько сантиметров грубую туфлю и нарочно смяла былинку. Он заметил, что ступни у нее раздались.
– Я предала тебя, – сказала она без обиняков.
– Я предал тебя, – сказал он⁹.

Никакие физические пытки не смогли уничтожить нравственное сознание предательства. Такое осознание есть торжество души, как бы ни хотел О'Брайен опустошить человека, как бы ни хотел Оруэлл очернить и без того дьявольскую сущность партийного идеализма.

Несмотря на кажущийся тотальный пессимизм, в романе не так уж и мало социального оптимизма, который в силу разных причин читатель не видит, погруженный в описание жестоких пыток Уинстона.

Оруэлл не изобразил негативные стороны пролетариата как соучастника преступлений внутренней партии, отсюда можно сделать вывод о социалистическом направлении мыслей самого писателя, отнюдь не самого

⁸ Оруэлл Дж. 1984. М., 2019. С. 253.

⁹ Там же. С. 298.

отчаянного пессимиста, – напротив: убежденного сторонника равенства и прогресса рабочего класса в будущем. Идеалистической концепции Партии противопоставлена Уинстоном Смитом (и Оруэллом тоже) свобода в духе материализма и крайнего объективизма, даже эмпиризма. Для Уинстона свобода в будущем – это свобода говорить, что «дважды два – четыре». Здравый (эмпирический) смысл бытия и гражданская свобода – единокровные братья.

Этот пафос романа привлекает к себе внимание, поскольку именно в борьбе с идеализмом проходило становление большевистского сознания начала XX в., утверждавшего в своей полемике крайний эмпиризм, крайний объективизм и крайний материализм.

Ментальные установки марксистов в борьбе с идеализмом в начале XX века

Конфликт идеализма русских модернистов с материализмом марксистов-эмпириокритиков в начале XX в. был по масштабу просто грандиозным и оказал решающее влияние на формирование ментальных оснований будущего сталинского террора.

«Русский ренессанс» – так называли *свое время* сами модернисты – оказался эпохой, когда впервые возникла потребность в культе всякой личности, осознающей себя в модусе космического бытия. Уже в первом модернистском журнале «Новый Путь» (1904) утверждалась совершенно идеалистическая позиция защиты личности от посягательств коллектива – класса, партии, государства. П. Перцов во вступлении к первому номеру журнала критиковал «утилитарно-позитивное мирозерцание», которое устарело. Теперь – на повестке дня – значится не партийная дисциплина, а «безотнositельная ценность личной оригинальности». Главным выразителем идеалистического направления в русской культуре стал журнал «Вопросы Жизни» (1905), пришедший на смену журналу «Новый Путь»¹⁰.

Спор идеалистов и позитивистов (марксистов-эмпириокритиков) начался со статьи Н.А. Бердяева в журнале «Мир Божий» под названием «Борьба за идеализм». А.А. Богданов ответил статьей «Что такое идеализм?» в журнале «Образование»; в ответ Богданову – статья С.Н. Булгакова в журнале «Вопросы философии и психологии» за 1902 г. под названием «Иван Карамазов (в романе Достоевского “Братья Карамазова”) как философский тип»; в ответ Булгакову – статья А.В. Луначарского под названием «Русский Фауст»; в ответ Луначарскому – статья Волжского «Торжествующий аморализм» (По поводу “Русского Фауста” А.В. Луначарского).

Сборник «Проблемы идеализма» вышел в 1902 г. – через два года публикуется сборник «Проблемы реалистического мировоззрения». Журналы соревновались, люди спорили, страсти вокруг идеализма раздирали русское образованное общество. Сборник «Вехи» увидел свет в 1909 г. – и в том же году был опубликован сборник статей под названием «Очерки философии позитивизма». Критические марксисты, представители эмпириокритицизма, соединялись вокруг журнала «Правда» (1904–1906). Это были те, кто

¹⁰ Юрганов А.Л. Ренессанс личности в судьбе русского модернизма. М.; СПб., 2018. С. 23–26.

считал себя учеником Эрнста Маха и Авенариуса, они были противниками догм не только идеалистических, но и сугубо марксистских.

И.И. Скворцов-Степанов, А.А. Богданов (Малиновский), В.А. Руднев в своей теоретической деятельности были сторонниками «здорового смысла». Позитивист-марксист с негодованием отвергает метафизику Добра, но примирится со злом при условии, что зло – продукт нечеловеческой природы. Оно не в грехах, а в объективном мире, в естественной природе. Не в пустоте, а в объективной природе жизни. Психологически позитивист-марксист, сторонник здорового смысла, скорее пессимист – он не верит в сказки. Он не принимает утешительной лжи, твердо стоит на почве «эмпирической действительности».

А.В. Луначарский писал, что мир «есть не что иное, как опыт мира, сверхопытное нам просто не дано». Он подчеркивал, что единственно, что существует в мире, – это объективная действительность, данная нам в опыте. Никакой другой реальности не существует вообще¹¹.

Культу личности у модернистов противостоит культ действительности позитивистов-марксистов. Личность как таковая, с ее автономными правами, преодолевающая любые внешние ограничители, для позитивистов не более чем фикция. В статье А. Богданова «Собирание человека» задается вопрос: «Что такое человек?» – и даются ответы, главный из которых заключается в тезисе: «“Человек” есть целый мир опыта»¹². Иными словами, в человеке отражена опытная действительность. Он никак не больше ее, никак не выходит за ее пределы: он всегда внутри, всегда вторичный. Сверхличное состояние, по мысли модернистов, дает конкретной личности стимул в развитии, в преодолении тех областей, которые изначально ограничивают личную свободу. Позитивисты рассматривали человека как микрокосмос – малую часть бесконечного космоса. У этой «части» нет никаких личных свойств, нет личных черт, ибо «человек» становится микрокосмосом только в общественных связях людей. А. Богданов предлагал увидеть историю человека через идею его «собираания». Мысли о свободе и равенстве возникают не сами по себе – они результат неравенства и угнетения в обществе. Богданов подчеркивал, что опыт индивида всегда вторичен по отношению к опыту коллективному. Человек может осознать себя только как отражение того общества, в котором живет.

Ответ на вопрос «Что же такое человек?», к которому в конце концов пришел Богданов, не может не удивлять своей откровенностью и мрачной прозорливостью:

Признаем ли мы человеком существо эмбрионально-простое, стихийное, чуждое развития? Мне кажется, нет. Признаем ли мы человеком существо неполное, часть, оторванную от своего целого, дисгармонически развивающуюся? Мне кажется, нет. Но если человеком мы признаем развитое, а не эмбриональное, целостное, а не дробное, то наш вывод будет такой: Человек еще не пришел; но он близко, и его силуэт ясно вырисовывается на горизонте¹³.

Человек, согласно логике А.А. Богданова, – всегда *недо*человек, потому что человеком он может стать, только слившись со своей «целостностью» (человечеством), человек – всегда «дробь», малое число, потому что никогда

¹¹ Там же. С. 110–132.

¹² Богданов А. Собирание человека // Правда. 1904. № 4. С. 159.

¹³ Там же. С. 175.

не будет соответствовать идеалам общества, человек – всегда только «отражение» действительности, но не ее творец. Л. Фейербах бы порадовался такому прилежному ученику...

В культе действительности не было мысли, что всякая личность имеет безоговорочное право на существование – это право поставлено в связь с интересами передового общества, которое может пожертвовать теми, кто не соответствует высшим общественным идеалам.

Таков культ действительности. В нем стало возможным говорить так: человек всегда или почти всегда индивидуалист – не может не думать о себе, – значит, он еще не готов слиться с коллективным «Я», которое вправе его, не готового к слиянию, выбросить из стройных рядов, идущих в коммунизм, или просто физически уничтожить. В этой картине мира человек – всегда жертва, которую следует нести на алтарь коллективного культа полноценности.

Не физический страх извне, заставляющий человека «добровольно-принудительно» признавать правоту партийного абсурда, а внутренний мир мыслительной деятельности в культе действительности создавал все условия, чтобы партийный следователь О'Брайен рождался в душе каждого русского коммуниста. Не нужно пытаться людей и заставлять подчиняться Партии, в которой нарочито противопоставляется логика О'Брайена логике «здорового смысла» в эмпирической действительности. Не менее искаженная абсурдистская картина мира в культе действительности возможна абсолютно добровольно и без оруэлловской «комнаты 101».

Приведу пример. Пролеткультовские пьесы после победы большевиков создавались на полном отрицании идейных оснований прав личности. В одной из первых пролеткультовских пьес под названием «Красный угол», написанной В.В. Игнатовым и поставленной на сцене в 1918 г., главный герой убивает свою жену – нет, не из-за ревности и не потому, что разлюбил или возненавидел, – а для того, чтобы «уйти от убаюкивающего покоя личных радостей»(!), чтобы «уничтожить всякую возможность возврата к уюту обособленного индивидуального мира» и полностью отдаться классовой борьбе пролетариата¹⁴.

Чем этот положительный в нравственном отношении человек, убивающий любимую жену ради возможности обрести счастье слияния со всем человечеством, менее абсурден, чем оруэлловские страшилки? Такие пьесы действительно ставились – и герою аплодировали массы людей, т.е. те самые массы рабочих, кого Оруэлл бережно именовал «пролами».

Сталинский поворот в большевизме связан с его «диалектикой», которая совсем не родственна оруэлловскому «двоемыслию».

Двоемыслие противостоит в романе объективной действительности – тому, что автор считал «здоровым смыслом», опытным знанием. Партия создает ситуацию абсурда, когда любое утверждение может быть ложным и правдивым одновременно. Главное правило – что правил для мысли нет. Отсюда – мыслепреступление как итог устрашения каждого, кто попытается найти «законы» или «правила» в своей действительности. Технологическая основа подавления – страх перед жесточайшим насилием, уничтожение прошлого во всех документальных видах таким образом, чтобы никто

¹⁴ Очерки истории русской советской драматургии: в 3 т. Т. 1: 1917–1934. Л., 1963. С. 13.

не мог сказать, что прошлое существует – его нет, потому что оно уничтожается ежеминутно.

Впрочем, дадим слово Оруэллу:

Это называется «покорение действительности», на новоязе – «двоемыслие»... ум его забрел в лабиринты двоемыслия. Зная, не зная; верить в свою правдивость, излагая обдуманную ложь; придерживаться одновременно двух противоположных мнений, понимая, что одно исключает другое, и быть убежденным в обоих; логикой убивать логику; отвергать мораль, провозглашая ее; полагать, что демократия невозможна и что партия – блюститель демократии; забыть то, что требуется забыть, и снова вызвать в памяти, когда это понадобится, и снова немедленно забыть, и, главное, применять этот процесс к самому процессу – вот в чем самая тонкость: сознательно преодолевать сознание и при этом не сознавать, что занимаешься самогипнозом. И даже слово «двоемыслие» не поймешь, не прибегнув к двоемыслию¹⁵.

Оруэлл не смог объяснить в романе, как же произошел поворот от нормальных человеческих отношений к двоемыслию. Уинстон Смит вспоминает мать, сестру, близких – еще недавно были возможны и любовь, и дружба, но с космической скоростью все изменилось. Теперь дети мечтают донести на родителей, никто не жалеет близких, а казни «врагов» Океании – с самыми отвратительными подробностями – любят смотреть едва ли не все.

Идеи лишились индивидуальных смыслов, потому что власть существует, как сказал О’Брайен, ради самой власти. И только власть обладает правом на смысл. Таков этот «оруэлловский» способ управления сознанием.

Сталинская «диалектика» была другим способом управления общественным сознанием – при помощи актуальных политических смыслов и предварительных идей, главная из которых состояла как раз в том, что человек – всегда немного «недочеловек», ибо он не в состоянии отбросить все свои индивидуальные свойства и полностью слиться с интересами класса, партии, человечества.

Сталинизм привнес в большевизм новое понимание истины и истинности. Ленинизм никогда не опирался на всеобъемлющую истину, которую надо хранить, – напротив: все марксистские истины, считал Ленин, хороши, когда они способствуют взятию власти, и плохи, если задерживают пролетарскую революцию. Этот ленинизм выражал Лев Троцкий – именно этот ленинизм потерпел поражение, и на обломках прежней «ленинской эпохи» радикального действия постепенно стала возникать, прорастать сталинская методология утверждения непрекаемой истины марксизма, в которой Ленин – основоположник, а Сталин – «лучший ученик».

Сталинизм – это торжество метафизики учения, в котором пребывает Истина. Но она пребывает таким образом, что пробиться к ней никто не может, кроме того, кто ею владеет! Сталин создал Культ Ошибки¹⁶.

Власть в партии принадлежала «большинству» в ЦК, нельзя было создавать фракции (как гласило решение X съезда партии). Став генеральным секретарем ЦК ВКП(б), Сталин сразу же овладел кадровым составом партии, поставив своих людей на партийные должности в местных и центральных

¹⁵ Оруэлл Дж. Указ соч. С. 36–37.

¹⁶ Юрганов А.Л. Культ ошибки. Теоретический фронт и Сталин (середина 20-х – начало 30-х гг. XX в.). М.; СПб., 2020.

парторганизациях. Механизм голосования позволял ему контролировать практически любое решение. Таким образом он незаметно стал отождествлять мнение своей группировки с мнением всей партии. Это была уловка гипнотического свойства, ибо ясно, что Сталин – не вся партия, но и большинство в ЦК – тоже не вся партия. «Объединенная оппозиция», и Троцкий в том числе, поняли эту уловку слишком поздно, когда механизм был запущен так, что если останавливать его – то только через «вторую партию», а этого никто не хотел.

Сталин придумал свое понимание «уклонов» – с позиций генерального секретаря ЦК ВКП(б), владеющего правом большинства навязывать решения меньшинству. Он предложил партии бороться против того уклона, который представлял для партии большую опасность. Это означало, что большую или меньшую опасность уклона теперь рассчитывал не кто-нибудь, а сам Сталин – как выразитель той группировки, которая претендовала на отождествление себя с «партией». Таким образом, решение о борьбе с правым или левым уклоном, или с право-левым уклоном, или с примиренчеством принималось не на рациональных основаниях прежней системы, когда Н.И. Бухарин впервые в 1925 г. объявлял «уклоны» механически-равными в своей негодности для партии. Сталинская позиция по поводу уклонов вводила «закон неопределенности», который внушал страх и трепет руководящим работникам перед всякой ошибкой. Такой же оказалась эволюция понятия «генеральная линия» – от линии, которую можно и нужно было обсуждать рационально как «линию», обеспечивающую *равную удаленность* от уклонов, к такой «линии», которая превращалась в *религиозный культ* абсолютной истины, предполагающий бесконечную власть того, кто ею овладел, и бесконечные ошибки (без малейшей возможности обрести истину) всех прочих, обреченных на наказание и даже гибель перед лицом самодовлеющей истины.

Материалистическая религиозность оказывалась мучительной для сознания верующего, потому что она действительно требовала постоянных жертв на алтарь Культа Ошибки. В сталинизме переживается живая и недосягаемая Истина, и переживается она как поврежденная нравственность грешника, готового себя самого пытать и унижать, лишь бы доказать, что не было измены партии, не было измены Центральному Комитету, не было измены лично товарищу Сталину. Подобных документов и свидетельств – тьма тьмущая: сама эпоха говорит этим языком партийного отступника – материалистического, атеистического, потому русский Старший Брат – товарищ Сталин – является для русского коммуниста «богом» не из-под палки полиции мыслей, а личной реальностью эмпирического бытия.

Уинстон Смит видел перспективу освобождения от власти Партии в активной реальности, в эмпирической возможности говорить то, что есть на самом деле – в личном опыте, в опытном знании. Это противоборство идеализму О'Брайена – и одновременно упорство О'Брайена, доказывающего, что нет никакой другой реальности, кроме реальности сознания, – означает, что Оруэлл не видел корни другого страшного насилия над личностью, которое проистекало из утилитаризма и позитивизма русского большевизма, помноженного на иезуитство религиозной практики применения сталинской «диалектики».

Почему же он не видел?

Заключение

Два основных содержательных элемента романа делают писательскую позицию более понятной. Ее можно определить не только как позицию социалиста, но и как троцкиста тоже. Это не значит, что Оруэлл неустанно цитировал русского большевика или что он последовательно его читал. Это значит только, что Оруэлл как социалист жил и творил в троцкистской атмосфере критики сталинизма – и несомненно ее разделял.

Первый элемент в синтезе утопии и антиутопии – это изображение перерождения Партии, в которой был когда-то дух революции, в ней был когда-то Эммануэль Голдстейн, но победу одержал Старший Брат. Перерождение большевистской партии – главная тема позднего Троцкого, который объяснял этот процесс как бонапартистский переворот и термидорианскую реакцию советской бюрократии. В критике сталинизма Троцкий доходил до невероятной злости, в ней уже ощущаются попытки представить сталинизм как настоящее «исчадие ада» (1938):

Методы сталинизма доводят до конца, до высшего напряжения и, вместе с тем, до абсурда все те же приемы лжи, жестокости и подлости (здесь и далее курсив мой. – А.Ю.), которые составляют механику управления во всяком классовом обществе, включая и демократию. Сталинизм – сгусток всех уродств исторического государства, его злоецающая карикатура и отвратительная гримаса¹⁷.

Описание Троцким жизненного мира сталинизма настолько созвучно роману Оруэлла, что не обязательно думать о текстологической связи (да и нет ее), потому что открывается общее пространство европейской социалистической мысли, крайне недовольной тем, что из революции свободы возникло устрашающее рабство:

Рабочие прикреплены к заводам. Крестьяне прикреплены к колхозам. Введены паспорта. Свобода передвижения отменена. Опоздания на работу приравнены к уголовным преступлениям... Границы государства окружены непрерывной цепью пограничных войск и полицейских собак, как нигде и никогда в мире. Практически никого не выпускают и никого не впускают. Иностранцы, попавшие раньше в страну, систематически истребляются. Сущность советской конституции, «самой демократической в мире», состоит в том, что каждый гражданин обязан в определенные часы голосовать за единого кандидата, указанного Сталиным или его агентами. Печать, радио, пропаганда находятся целиком в руках правящей клики. Из партии за пять лет исключено, по официальным данным, не менее полумиллиона. Какая часть из них расстреляна, заключена в тюрьмы и концентрационные лагеря, выслана на окраины, мы точно не знаем. <...> Между тем социализм объявлен осуществленным. Согласно официальной версии, страна находится на пути к полному коммунизму¹⁸.

Второй элемент – разъединение переродившейся партии и пролетариата («пролов»), которым запрещено вступать в партию. В романе утверждается, что надежда человечества – это именно «проловы», которые еще себя покажут. Что, кстати, до конца не отрицает даже О'Брайен. Троцкий мог как угодно характеризовать рабочий класс, называя его отсталым и даже варварским в своей отсталости, но он никогда не говорил и не мог сказать о *соучастии*

¹⁷ Антология позднего Троцкого. М., 2007. С. 277.

¹⁸ Там же. С. 115–116.

рабочего класса в преступлениях сталинизма. Это абсолютно исключено – иначе нет ни социалиста, ни большевика и уж точно – нет и марксиста, мыслящего классовыми категориями.

Оруэлл – социалист и сочувствует пролетариату; он, как и Троцкий, изображает «пролов» малоразвитыми и пока еще неспособными на осознание себя, но в романе имеются проблески исторической надежды, когда говорится, что научный и технический прогресс выведет этот забитый класс на первый план строительства нового будущего. Отторжение «пролов» от партии О’Брайена под предлогом, что они не поднимаются выше своих ежедневных потребностей, объясняется тем, что Оруэлл верил в социализм, изображая пролетариат как нераскрывшееся будущее. Однако Оруэлл не увидел, будучи троцкистом, что эмпиризм, материализм и крайний объективизм большевизма, соединяясь с бланкизмом, представляет собой угрозу для гражданской свободы не меньше, чем идеализм партии Старшего Брата. Оруэлл написал роман-антиутопию с позиций утопического троцкизма, соединяя в себе две стихии исторического и политического контекста.

Список литературы

- Антология позднего Троцкого / Сост. М. Васильев, И. Будрайткис. М.: Алгоритм, 2007.
- Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. И.В. Борисовой, Ю.А. Кимелева, А.Д. Ковалева и др. М.: ЦентрКом, 1996.
- Богданов А. Собрание человека // Правда. 1904. № 4. С. 158–175.
- Гройс Б. Ранние тексты: 1976–1990. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
- Гюнтер Х. По обе стороны от утопии: Контексты творчества А. Платонова. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
- Недошивин В. Джордж Оруэлл. Непрístupная душа. 2-е изд. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2023.
- Оруэлл Дж. 1984 / Пер. с англ. В. Гольшева. М.: АСТ, 2019.
- Очерки истории русской советской драматургии: в 3 т. Т. 1: 1917–1934 / Ред. С.В. Владимиров и Д.И. Золотницкий. Л.: Искусство, 1963.
- Фельштинский Ю., Чернявский Г. Оруэлл. М.: Молодая гвардия, 2019.
- Хаустов Д. Невинные инквизиторы. М.: РИПОЛ классик, 2019.
- Хитченс К. Почему так важен Оруэлл / Пер. с англ. М.: Эксмо, 2017.
- Чаликова В.А. Комментарии к «1984» // Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. М.: Прогресс, 1989. С. 356–365.
- Юрганов А.Л. Культ ошибки. Теоретический фронт и Сталин (середина 20-х – начало 30-х гг. XX в.). М.; СПб.: Центр гуманитарных дисциплин, 2020.
- Юрганов А.Л. Ренессанс личности в судьбе русского модернизма. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018.
- Jameson F. Archaeologies of the Future. The Desire Called Utopia and Other Science Fictions. London; New York: Verso, 2005.

Antiutopia and Stalinism: J. Orwell’s novel “1984”

Andrey L. Yurganov

Russian State University for the Humanities. 6 Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russian Federation; e-mail: Iurganov@yandex.ru

The article deals with the interaction of dystopian and utopian genres in the main dystopian work of the XX century – J. Orwell’s novel “1984”, which arouses the undying

interest of philosophers, culturologists, historians, who try to find the meaning of the novel in different models of generalizing knowledge, but also on the path of ambivalent interpretations, when it is taken as an axiom that a utopian image can combine multidirectional characteristics without violating the meaningful integrity of the work. The task of this study is to understand the author's meaning of the novel on the basis of the fact that any work must have natural boundaries of self-consciousness that do not contradict the historical and cultural context of its inherent modernity. Within these boundaries the novel "1984" appears before us as a novel written not only by a man committed to the ideals of world socialism, but also by a Trotskyist who shared L.D. Trotsky's critical judgments against the usurpation of the proletariat's rights to power by Stalin's party.

Keywords: novel "1984", J. Orwell, Stalinism, Trotskyism, totalitarianism, A.A. Bogdanov, A.V. Lunacharsky, empirio-criticism, Russian modernism

For citation: Yurganov, A.L. "Antiutopiya i stalinizm: roman Dzh. Oruella '1984'" [Antiutopia and Stalinism: J. Orwell's novel '1984'], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2024, Vol. 17, No. 2, pp. 79–91. (In Russian)

References

- Arendt, H. *Istoki totalitarizma* [The Origins of Totalitarianism], trans. by I.V. Borisova, Yu.A. Kimelev, A.D. Kovalev et al. Moscow: CentrCom Publ., 1996. (In Russian)
- Bogdanov, A. "Sobiranie cheloveka" [The gathering of man], *Pravda*, 1904, No. 4, pp. 158–175. (In Russian)
- Chalikova, V.A. "Kommentarii k '1984'" [Comments on '1984'], in: G. Orwell, *'1984' i esse raznykh let* ['1984' and essays from different years]. Moscow: Progress Publ., 1989, pp. 356–365. (In Russian)
- Chaustov, D. *Nevinnnye inkvizitory* [Innocent inquisitors]. Moscow: RIPOL klassik Publ., 2019. (In Russian)
- Chtchens, K. *Pochemu tak vazhen Orvell* [Why Orwell is so important]. Moscow: Iksmo Publ., 2017. (In Russian)
- Fel'shtinskii, Yu. & Cherniavskii, G. *Orwell*. Moscow: Molodaia gvardia Publ., 2019. (In Russian)
- Groys, B. *Rannie teksty: 1976–1990* [Early Writings, 1976–1990]. Moscow: Ad Marginem Press, 2017. (In Russian)
- Gyunter, H. *Po obe storony ot ytopii i antiytopii: Konteksty tvorchestva F. Platonova* [On Both Sides of Utopia: Contexts of A. Platonov's Work]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. (In Russian)
- Jameson, F. *Archaeologies of the Future. The Desire Called Utopia and Other Science Fictions*. London; New York: Verso, 2005.
- Nedoshivin, V. *Dzhordzh Orvell. Nepristupnaia dusha* [George Orwell. The unapproachable soul]. Moscow: AST Publ., 2023. (In Russian)
- Orwell, G. *1984*, trans. by V. Golyshev. Moscow: AST Publ., 2019. (In Russian)
- Vasiliev, M. & Budraitkis, I. (eds.) *Antologia pozdnego Trotskogo* [An Anthology of the Late Trotsky]. Moscow: Algoritm Publ., 2007. (In Russian)
- Vladimirov, S.V. & Zolotnitskii, D.I. (eds.) *Ocherki istorii russkoi sovetskoi dramaturgii* [Essays on the History of Russian Soviet Dramaturgy], Vol. 1: 1917–1934. Leningrad: Iskustvo Publ., 1963. (In Russian)
- Yurganov, A.L. *Kul't Oshibki. Teoreticheskii front i Stalin (seredina 20-ch – nachalo 30-ch gg. XX v.)* [The Cult of Error. The Theoretical Front and Stalin (mid-20s – early 30s of the XX century)]. Moscow; Sankt-Peterburg: Centr gumanitarnykh discipline Publ., 2020. (In Russian)
- Yurganov, A.L. *Recessans lichnosti v sud'be russkogo modernizma* [Renaissance of personality in the fate of Russian modernism]. Moscow; St. Peterburg: Centr gumanitarnykh discipline Publ., 2018. (In Russian)